

## ГАЛИНА УДАЛЫХ

### ПОЭТИКА РАССКАЗА И.А.БУНИНА «БОЖЬЕ ДРЕВО»

*Выньте Бунина из русской литературы, и она потускнеет, лишится радужного блеска и звездного сияния его одинокой страннической души.*

*М.Горький*

*После «Путешествия в Арзрум», после «Старосветских помещиков» нет в русской прозе памятника, который можно было бы с точки зрения стиля поставить наряду с «Божьим деревом». «Божье дерево» так же невозможно «истолковать», как любое стихотворение Пушкина. Здесь **что**, будучи отдельно от **как**, обращается в **ничто**.*

*П.М.Бицилли*

Творчество И.А.Бунина неотъемлемо от русского словесного искусства и национальной культуры. Огромный талант писателя критики уподобляли «матовому серебру», язык его называли «парчовым», а беспощадный психологический анализ – «ледяной бритвой».

Философская проблематика произведений И.Бунина, последнего русского классика и, как назвал его Максим Горький, «первейшего мастера современной литературы», неизменно вызывала у читателей глубокий интерес к вопросам добра и зла, памяти и забвения, жизни и смерти.

Эмигрантский период – это творчество зрелого Бунина, который сформировал свое, особое видение реальности, изображенной в его произведениях. В 1927-1930-м гг. И.А.Бунин написал ряд коротких рассказов («Свидание», «Подснежник», «Пингвины», «Молодость», всего 50 рассказов разного объема), которые вошли в сборник «Божье дерево» (Париж, 1931). В этих рассказах, размышляя о трагическом пути России и судьбах ее народа, Бунин представляет свое понимание души простого русского человека.

Современники высоко оценили эту книгу: рецензии на нее писали известные поэты, критики, философы (В.Ф.Ходасевич, П.М.Бицилли, Ф.А. Степун). Отклик П.М.Бицилли на «Божье дерево» Бунина (Числа. Париж, 1931, № 5), написанный вопреки всяким «нормам», – одна из вершин Бицилли-рецензента. Его статья начинается с описания художественных методов Леонардо да Винчи и Боттичелли, живописцев, по первому впечатлению, не имеющих никакого отношения к бунинской книге. Так, Боттичелли губку, напитанную краской, бросает на полотно и, глядя на цветное пятно, начинает «сочинять» из него картину. Леонардо же движется иным путем – не от «аналогии», но от изучения предмета. Те же два «метода» Бицилли видит и в литературе. Метод Боттичелли (все на все похоже) вспыхивает при таком рождении образов. Бунин идет путем Леонардо: вглядываясь в предмет, изучая его, а не «средства выражения». Как считает Бицилли, своим методом Бунин противостоит современным писателям (Набокову, Олеше, Белому, Цветаевой, Пастернаку), но зато роднится «с наиболее правдивыми русскими писателями, с Пушкиным, Толстым, Чеховым: честность, ненависть ко всякой фальши – как раз то, за что более всего достается Бунину». Именно побочный «живописный» сюжет в самом начале рецензии позволил сжать всю сумму высказанных идей (а в рецензии звучит и любопытное сопоставление Бунина с Тургеневым) в две страницы.

Другой эмигрантский критик, С. Литовцев, соотносил название сборника с «древом жизни» Гёте<sup>1</sup> и полагал, что в книге рассказов Бунина появилось нечто более ценное, чем художественное мастерство, – «дух внутренней тревоги», а также «сознательная попытка со стороны Бунина дать... страшно сжатый род рассказа».

Глубокий анализ рассказов в сборнике И.Бунина «Божье дерево» представил в своей обширной статье поэт Владислав Ходасевич. «Сохраняя бессюжетную основу, дает он изображение некоей картины, последовательный ряд образов, разрешаемых, как аккордом, одним коротким и резким психологическим жестом. При этом особенно характерно, что этот психологический жест Бунин чаще всего выражает не в действии, не в поступке, а лишь в словесной формуле, в замечании, в восклицании, то гармонирующем, то дисгармонирующем с только что изображенной картиной».

Многие исследователи считают, что по своей тонкости и четкости письма рассказы из сборника «Божье дерево» напоминают стихотворения в прозе И.С. Тургенева. «В них раскрывается та сторона бунинского дарования, которая влекла его к стиху», для них «характерно стремление к лирическому изображению действительности, к мелодичному звучанию речи». «Поздняя проза Бунина, – отмечает В.Н.Афанасьев, – как бы вобрала в себя его поэзию, вот почему в эмиграции он так редко выступал со стихами».

Бунин обновил жанр рассказа: упрощая событийный сюжет и лишая рассказ внешней занимательности, он уделял основное внимание мироощущению героев. «Бытовую повседневность писатель возводил до философского смысла, в буднях, в бытовых мелочах, в привычном способе мышления людей искал он разгадки многих трагедий».

Структурообразующими факторами становятся в рассказах из сборника ритмический рисунок и речевые детали: как точно подметил в своей рецензии В.Ходасевич, «на сей раз путь к бунинской философии лежит через бунинскую филологию – и только через нее...».

Название сборнику дал рассказ М.А.Бунина «Божье дерево», который был впервые опубликован в «Современных записках» (Париж, 1927, № 33). Рассказ небольшой по объему и состоит из ряда дневниковых записей, разворачиваясь как ретроспектива – воспоминание о 10 днях летней жизни господ в усадьбе. По мнению поэта Георгия Иванова, это скорее не рассказ, а «род деревенского дневника: несколько записей ни о чем». Вместе с тем он высказывает интересное суждение: «И с первой и до последней строки читаешь «Божье дерево» с тем волнением, с тем «холодком в сердце», какое дает только искусство самое строгое, самое чистое».

Отметим, что рассказ-дневник является одним из специфических жанров эмигрантской прозы Бунина. Он вел дневник всю свою жизнь, с юности и до последних дней жизни. В эмиграции дневник становится для него важной частью творческого процесса: происходит некий синтез дневниковой формы и формы новеллы. По мнению Бунина, «дневник – одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие...».

Повествование в рассказе «Божье дерево» ведет автор дневника. Это своеобразные зарисовки жанровых картин, впечатлений, ощущений. Бунин использует форму первого лица, тем самым показывая свою причастность к тем событиям и идеям, которые он здесь рассматривает. Повествование о настоящем организуется таким образом, что особенно остро звучат мотивы одиночества. В рассказе впервые образ крестьянина Бунин передает средствами прямой речи. Расширяется сфера функционирования диалога: он вводится в повествование не столько эксплицитно (в репликах героев), сколько имплицитно. Это подразумевает различные точки зрения героя и рассказчика: авторская позиция неявна, она скрыта в подтексте. Герой воплощает тот тип бунинского человека, который живет

<sup>1</sup> Во всем мире известными стали знаменитые слова Гёте из его «Фауста»: «Суха, мой друг, теория везде, Лишь древо жизни пышно зеленеет». В данной фразе превозносятся силы природы над человеческим разумом, содержится предостережение человеку: как бы он ни постигал природу и бытие, как бы ни пытался изменить ее, природа существовала до человека и будет существовать после него.

«живой жизнью», совершает поступки, доверяя своей интуиции. Для писателя важно было показать «власть» исторического прошлого: рассказ был написан в 1927 году, но в нем изображена дореволюционная действительность.

В рассказе запечатлен образ русского однодворца Якова Демидыча Нечаева – потомка служилых людей, которые несли дозорную и сторожевую службу на южных границах Российской империи в XVI-XVII вв. Это особое сословие было упразднено в 1886 году. Бунин вводит в рассказ название места, откуда родом герой: Козлов, Знаменская волость, сельцо Прилепы. Козлов, уездный город Тамбовской губернии, был основан по указу царя Михаила Федоровича (1635) как укрепленный пункт для обороны Рязани, а также ближайших земель от набегов крымских и ногайских татар. Название села Прилепы наталкивает на мысль, что оно находилось на пограничье оборонительного рубежа, как бы «прилепилось» к основным землям. По всей вероятности, было населено государственными крестьянами и казаками, некогда охранявшими эту территорию.

Уже во время знакомства с героем перед читателем предстает неординарный человек, по-своему воспринимающий окружающее. С упоминания о том, что Яков Демидыч – однодворец, Бунин начинает тему исторической памяти, которая объединяет поколения и становится той главной жизненной силой, что противостоит времени, пространству, смерти, одиночеству. Герой помнит о своем происхождении (по древности рода потомки служилых не уступали дворянам): «Ведь мы, однодворцы, в старые времена тоже, бают, господа были». Он держится с господами без подобострастия, с достоинством, которое не умаляется, даже когда он снимает перед ними шапку: «Бог лесу, и то не сравнял».

Прообразом героя послужил липецкий крестьянин, тоже караульщик-однодворец Яков Ефимыч. Рассказ во многом опирается на дневниковые записи писателя 1912 года: в нем совпадают как событийные моменты, так и диалоги. В.Н. Муромцева-Бунина вспоминала в 1912 году: «За лето мы подружились с караульщиками; записывали сказки, поговорки, особенно отличался один, Яков Ефимович, его Иван Алексеевич взял в герои «Божьего древа», удивительный был склад его речи, почти вся она была рифмована».

Сам И.А. Бунин оставил восторженную запись в дневнике 17 июня 1912 года: «Что за прелестный человек Яков, как приятно слушать его. Всем доволен». Посвятив в своем дневнике несколько зарисовок крестьянину, писатель на их основе создает самостоятельное произведение, отражающее многообразие русского характера. Однако Бунин впоследствии неоднократно заявлял, что этот образ выдуман. Так, в письме к П.М. Бицилли от 17 мая 1931 года писатель замечал: «...очень жалею, что не могу лично побеседовать с Вами о том, весьма интересном и для меня, что затронули Вы в этом письме в связи с языком моего Якова (фигуры, к стати сказать, все-таки вымышленной, собирательной, а не списанной с живого лица, имеющей только видимость такового)...»

Бунин поражает нас умением дать речевой портрет носителя языка. Писатель искусно вплетает в речь героя просторечную и диалектную лексику, вводит читателей в быт и миропонимание изображаемой среды, воспроизводя ее речевой стиль. Язык воспринимается как бы выхваченным из живой действительности и органически вписывается в канву рассказа. Автор не называет место действия, но можно предположить, что поместье находится в Орловской губернии, откуда родом писатель. Яков при знакомстве сообщает, что он из-под Козлова, т.е. с Тамбовщины.

Бунин проявляет прекрасное знание орловско-курского и тамбовско-рязанского диалекта: рассказчик сразу же отмечает, что говор Якова Демидыча отличается своими особенностями. Для тамбовского говора типичны процессы «аканья» и «яканья», и герой говорит: *таперь, жалаим, жана, чаво, сабе, жанили, лятала, вялит*. «Где ж ты бывала?/Где ж ты лятала?», «И чаво только нету там!», «Жанили рано...», «Тут как раз брата моего старшего убили, я и думаю сабе...» «Я ня жадный, я добродушный».

Бунин упивается звучащей речью Якова, всеми этими словами: «*постирушечкя*», «*самоварчикя*», «*чугунчикя*», «*угошшали*», «*дожжок*», «*хунтик*», отмечает их грамматические особенности. Назовем окончания женского рода у существительных среднего рода

«...да эта *одна баловство*», «У нас в старину *село богатая* была...», отсутствие конечного -т у глаголов 3-го лица единственного и множественного числа: «А она, значит, *не жалае, не хоча*», «А она *не хоча/Да как захохоча!*», «Он как *вскоча...*», окончание -е в родительном падеже единственного числа у личных местоимений 1 и 2 лица: «Да вы ведь *мине* про то не спрашивали...», наличие постпозитивной частицы-то в разных частях речи: «Она беспрерывно опоздает, *машина-то*», «Она *протекать-то* как следует стало только нонче», «Кто ж ее *такую-то* опричь вдовца возьмет?». На эти грамматические отклонения обращает внимание рассказчик: «*Формы у него тоже свои: «Он неладно думал об мужиков», сказал он, например, про москвича.*».

Повествователь улавливает, что Яков иногда «сбивается на обычный народный язык наших мест», для которого характерны черты русского литературного языка. Так, наряду со словом *бядя* он употребляет вариант *беда*: «Одна *беда* – детей много было»; «*Хто ж от нее откажется?*» – «А *кто ж их не любит?*»; «Вот скажем, *таперь* молотилки пошли» – «Да я и *теперь* не откажусь...» и др.

Известно, что, готовя рассказ к переизданию, Бунин тщательно сохранял говор героя и на полях специально отметил необходимость оставить «все неправильности» в речи. Передавая своеобразие речи своего героя, писатель «изображает не просто русского крестьянина, а орловского, воронежского, рязанского, так как ему необходимо это не только как наблюдателю, а для того, чтобы уловить то «земное, телесное, мгновенное», являющееся важным и основным в человеческой жизни и психике». Таким образом, рассказ о конкретном человеке обретает обобщенный характер.

И.А.Бунин восхищается народным русским языком героя – «говором старинным, коколапым, крупным», обращается к истокам русского языка, к его забытым или уходящим словам. По мысли писателя, Яков Демидыч – караульщик (охранник) не только сада, но и старинного русского языка: он употребляет в речи древние слова, например, *изну-гряться* вместо *издеваться*, *ухамить* вместо *урвать*, *варяжить* вместо *торговать* и др. Его герой тонко чувствует язык. Так, он использует слово *сидеть* вместо *караулить*: «А пока вот по садам *сижу*, а зиму хожу, во́лну бью по соседским дворам». Переносное значение слова *сидеть* перелетается в речи Якова с прямым его значением: он любит сидеть под деревьями, и сам ощущает себя частью этого сада.

Некоторые слова, которые использует Яков, непонятны местным жителям, например, *стременная* (рюмка). Яков объясняет значение этого слова, обращаясь интуитивно к его внутренней форме и опираясь на казачьи традиции: «Это значит, по самой последней, когда уж в стремя становиться, ко двору едешь».

В дневнике 1912 года писатель записал: «21 июня. Читаю «Былины Олонецкого края» Барсова. Какое сходство в языке с языком Якова! Та же криволапая ладность, уменьшительные имена...». Бунин благодарен герою за сохранение такого языка: «слушать его – большое удовольствие».

В лице Якова Демидыча он рисует образ необыкновенного рассказчика, который умел талантливо изображать своих героев, смешно копировать их движения. Писатель воспроизводит певучую речь героя, подробно передавая манеру рассказчика: «*Начал рассказ шутя, отрывисто, но тотчас стал увлекаться, глаза, брови заиграли, быстро меняя выражение, изображая то мужиков, то чванного москвича, то подкрадывающихся к нему собак, а потом вдруг вскрикнул, как бы от внезапной боли, подскочил, ударил себя по ляжкам, затопал лаптями, бросился, значит, бежать, – и согнулся, повалился вперед, хоча вместе с воображаемыми девками.*».

В период эмиграции у Бунина острее проявилось «любование» отдельными выражениями русского языка, восхищение национальным своеобразием русского фольклора. Бунин «хотел удержать в памяти потомков то, что достойно воспоминания, что достойно сохраниться в веках».

Бунин обращает внимание на народный характер речи Якова Демидыча: тот пересыпает ее поговорками, пословицами, рассказывает сказки, поет песни. Бунин стремится

глубже понять самого героя – в его любви к народной устной культуре заложена глубокая философия жизни и смерти: «Когда будем помирать, тогда будем горевать», «Двум смертям не бывать, одним не миновать», «Стар пестрец, да уха сладка», «Авось, не первая волку зима» и др.

Бунин сам знал много присказок, пословиц, народных песен. В детстве он дружил с крестьянскими ребятами, от которых слышал много песен и рассказов, сохранив их в своей памяти. Интерес Бунина к фольклору, к «мужицким» песням и рассказам «продиктован потребностью проникнуть в самую душу народа, к жизни и судьбе которого писатель относится с глубокой тревогой, мучительным беспокойством».

Нередко фольклорный текст или упоминание о нем играют у Бунина роль звуковой детали, дополняющей пейзаж, создающей настроение, раскрывающей бытовую обстановку. Одна из эмоциональных доминант художественного мира Бунина – чувство одиночества – и в смысле одинокого существования, и одиночества вечного, как неизбежного и непреодолимого состояния человеческой души. Ощущение полного одиночества человека в мире передается в рассказе «Божье древо» в обращении к народной песне «Сова ль ты моя, совка». Эта песня – лейтмотив жизни и судьбы Якова Демидыча. В русском фольклоре сова/филин – таинственный и многогранный символ одиночества и тоски, безбрачия и вдовства, смерти и обиды. Птица ведет скрытную ночную жизнь, а ее голос напоминает человеческий крик или женский плач.

Сова олицетворяет собой одиночество Якова Демидыча: он живет свободной жизнью, не связан с семьей. Опыт семейной жизни героя поражает трагичностью: первая его жена умерла, вторая его бросила. Старший сын служит солдатом, второй – пьяница-сапожник, живущий сам по себе. С другой стороны, сова – это символ мудрости: по преданиям, она всегда сопровождала знахарей и волхвов. Думается, что неслучайно этой же песней заканчивается рассказ об одиноком человеке, обладающем сильной волей и любовью к жизни: это поэтическое обрамление, задающее основную интонацию и стилистику всего текста. Описание погоды – хмурой, дождливой – создает атмосферу сиротства и бесприютности, созвучной внутреннему состоянию героя.

Народную песню «Сова ль ты моя, совка» Бунин цитирует, безусловно, по памяти. Эта песня зафиксирована в Тенишевском архиве.

Бунин отмечал в свое время: «Ничто не определяет нас так, как род наших воспоминаний». Яков – странник по натуре, и это свойство исторического характера, связанное с памятью о Диком поле<sup>1</sup>: «А вот как выедешь за Елец, за Задонск прямо душа радуется, конца-краю этой степи не видать, до самого синя-моря идет, до Нагая. И чаво только нету там!».

Повествователь поразился тому, как Яков, не знавший настоящей любви, тоскующий по ней, поет вполголоса, нежно и жалобно романс «Мой стон и грусти люты...». Далее рассказчик узнает, что Якову известны и другие старинные романсы; слова некоторых из них принадлежат перу А. П. Сумарокова. Это подтверждает ранее высказанную мысль писателя о том, что «Яков Демидыч – деликатнейший человек, умница, натура тонкая, благородная».

Элегическое настроение создает описание атмосферы русской усадьбы; писатель поэтично передает красоту природы – цвет, звуки, настроение: «На припеке горячо и сладко пахли травы, цветы, крапива. В фруктовом саду, с блаженной беззаботностью, игриво и томно выводила свои флейтовые переливы иволга... Отчего так особенно прекрасно все старинное, старые березы, например? И я стал думать о жизни наших дедушек, бабушек, которая кажется мне всегда такой счастливой».

Один из критиков бунинского творчества утверждал: «И.А. Бунин дал деревенский очерк «старой» России. «Божье древо». Рассказ о караульщике Якове, стерегущем при усадьбе сад. Старое письмо... Странно читать эти вещи, словно повесть ведется о дале-

<sup>1</sup> Дикое поле, или Поле – историческое название степей южной Руси, Среднерусской, Приволжской возвышенностей и Донской равнины, некогда подвергавшихся набегам степных кочевников.

кой стране, о парках с видом в степь, о солнечных усадьбах... Кажется, что все это затонуло, и для нас, поврежденных, рассказы господ, смакующих мужика так, как его смаковал автор «Записок охотника», – старомодное, барское баловство...». Однако сам Бунин возражал против такого прочтения рассказа: «Я пишу о душе русского человека, при чем здесь старое, новое. Вероятно, и теперь какой-нибудь Яков Ефимыч трясет портками и говорит теми же присказками. А они: все это картины старой жизни, – да не в этом дело».

Писатель считал, что рассказ «Божье древо» написан о народе. В одном из писем к Ф.А.Степуну Бунин приводит перечень своих произведений, дает их характеристики, среди которых находим и следующее замечание: «13 октября 1952г. Понедельник. Роды моих сочинений О НАРОДЕ. NB. Божье древо. Подчеркнутое считаю наиболее ценным, NB – особенно».

Самая значительная по замыслу беседа автора с героем передана в последний перед отъездом господ день. Яков Демидыч размышляет об «обоюдности» русского народа, под которой он понимает разноречивость народного характера. Он возмущен злобствующим отцом, не жалеющим собственного ребенка («Можно разве так-то на свое дитя кричать?»), и в то же время с удовольствием говорит о пастухе, который радуется тому, что с помощью увеличительного стекла может добыть огонь, и это для него кажется чудным. Значит, одновременно русского человека можно осудить за неблагоприятные поступки, но можно и восхититься его простодушием. Герой рассказа так объясняет наличие в народе грубости и злости: «Только, конешно, нас учить надо!». По мысли Бунина, тогда «обоюдность» народная «будет более склоняться к торжеству праведников и подвижников».

Бунинские герои «по природе не философичны и не религиозны в глубоком смысле этого слова. Всякое знание о происходящем принадлежит не им, а самому миру, в который они заброшены и который играет ими через свои непостижимые для них законы». Яков у Бунина имеет свое собственное представление о Боге. С детских лет он усвоил истину о незыблемости миропорядка, данного Богом: «Нет, это вы глупо говорите. Это выходит, что и Бога нету? Кабы его не было, вся бы земля пропала». Герой рассказа «Божье древо» становится носителем идеи «приемлемости мира», ему «весело жить и не страшно умирать», ибо все имеет «какое-то высшее Божье намерение».

Бунин декларирует предстояние человека Богу как глубоко христианское чувство пребывания в мире, в котором человек испытывает не только ужас, покаяние, отчаяние, но, прежде всего, любовь и радость бытия. Якову свойственно балагурить, с легкой иронией, беззлобно посмеиваться над всем, в том числе над собой. Он всегда находится в веселом расположении духа: «сквозь словоохотливость Якова Демидыча проступает его добродушное лукавство и жизнелюбие». Неслучайно Яков знает и готов рассказать сказку Петра Ершова «Конек-горбунок» – поистине народную сказку, привлекающую внимание живой интонацией и неунывающим героем. Единственная тема, к которой жизнелюбивый Яков совершенно равнодушен, – это тема смерти. На этот счет у него своя «философия»: разговоры о смерти, которая все равно неизбежна и придет в свой срок, на его взгляд, ненужные и лишние. Он не хочет даже думать о ней, когда вокруг кипит милая сердцу жизнь. Смысл жизни он представляет себе предельно просто: «– Для чего ты на свете существуешь?... – А чтоб радость была!» – вот его ответ, то есть не в богатстве и удовольствиях. Для него главным является радость бытия: жить в ладу с миром, с собой, и людьми, наслаждаться красотой и необъятностью родных просторов, радоваться каждому дню.

Ф.А.Степун писал: «Божье древо» Бунина – один из самых пленительных и самых глубоких его рассказов. Яков Демидыч написан им совершенно изумительно. Если написать философский комментарий ко всем его разбросанным по рассказу словам и изречениям, то выйдет большой философский труд».

Исследователи считают, что понимание бунинской картины мира невозможно без учета авторского художественного мышления, связанного с его философским восприя-

тием действительности. Рассказ пронизан мифопоэтической символикой, и одним из символов в нем является огонь: по мысли автора, огонь символизирует ту самую «радость», в которой герой видит смысл своего бытия. Это огонь его жизни. Пока огонь горит, человек живет, работает, мыслит, верит. Как только погаснет огонь в душе, так и жизнь незачем. Этот тезис генетически восходит к убеждению язычников, что «...жизнь возможна была только до тех пор, пока горело это внутреннее пламя; погасло оно – и жизнь прекращалась». Повествование помещается в некую композиционную рамку: около костра встречает Яков рассказчика и к огню уходит, подпрыгивая и напевая песню о совушке-вдовушке.

Символическим является также название рассказа. Заголовок рассказа «Божье дерево» особенно важен для понимания его идейного смысла и художественной структуры, поскольку отражает основную мысль текста и его сюжетную линию. Исследователи отмечают, что у Бунина сюжет неизбежно бывает «приподнят» над житейским уровнем восприятия, и это следует уже из символики заглавия.

С одной стороны, здесь прослеживается ассоциативная связь с растением полынь, которое в народной ботанической номенклатуре известно под названием «божье дерево». Так обозначают древовидную, или лекарственную полынь. Видовое название восходит к греческому слову «abrotos», что означает «божественный», «бессмертный». Название «божье дерево» дано растению только в России и в славянских странах.

Слово «полынь» в русском языке обозначает эфирноносное растение с мелкими корзинками цветков, с сильным запахом и горьким вкусом. Полынь интерпретируется как растение, олицетворяющее горечь, и потому нередко носящее наименование «горькая полынь». На Руси полынь – символ печали, тоски, горечи и вдовства: «Не я полынь-траву садила, сама окаянная уродилась»; «Чужая жена лебедушка, а своя – полынь горькая».

В тексте рассказа «Божье дерево» слово полынь, входя в семантическое поле «Растения», через антропоморфную метафору служит объективации авторского смысла: автор видит в полыни «тоскующую душу», которой наделен главный герой. Кроме того, полынь воспринимается автором, как и в восточных языках: это символ родины и памяти, связующий прошлое с настоящим.

С другой стороны, заглавие рассказа отсылает нас к Библии. Дерево в мировой культуре и религии – это один из центральных символов. Как и другие «растительные» символы, он связан с плодородием, с жизнью, изобилием, является олицетворением жизни в разных ее аспектах и проявлениях. Основные символические формы, которые связаны с деревом, – мировое дерево, дерево познания и древо жизни. В числе символических трактовок образа дерева – вечное обновление и перерождение, плодородие и сакральность, бессмертие и реальность идеального мира. Так как корни дерева находятся в земле, а ветви его простираются к небесам, то оно, как и человек, является сущностью двух миров. В христианстве дерево является символом дарованной жизни, и прохождение его годового цикла свидетельствует о рождении, смерти и воскресении. Сквозь сложный ассоциативный план проступает реальность, в которой герой живет, действует и размышляет. История жизни Якова Демидыча обрамлена архетипическим образом «древа». Бунину удалось запечатлеть образ бесхитростного, доверчивого и доброго человека, который живет, «как бог вялит», как «божья дерево». Рассказчик отмечает: «Божье дерево – это очень неплохо сказано». Яков ощущает себя божьим деревом, что означает богоугодную жизнь, простоту, покойность души, жизнь в составе вечного организма божия. Для Бунина чрезвычайно ценна способность личности растворяться в мире, воспринимать себя частицей целого. «Эта черта сопряжения, возможности включить себя в некий целостный миропорядок восходит, по Бунину, к традициям национальной культуры».

Уподобление человека дереву имеет древние мифологические традиции и принадлежит к архетипическим элементам бессознательного. Эта связь находит свое отражение не только в мифологии и языке, но также в ритуале, фольклорных и литературных текстах. Возможно, сравнение героя рассказа с деревом имеет непосредственное отношение

к прецедентному тексту Библии: « И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет».

Показывая связь героя с природой, Бунин обращает внимание на любовь героя к саду вообще и к деревьям. Яков говорит: *«Я люблю по садам сидеть, люблю, когда ветвей много»*. Сад у Бунина не только место отдыха (для мещанина Богомолова) и работы (для Якова). Сад в изображении писателя наполнен райскими коннотациями; конкретная усадебная картина обретает символический подтекст благодаря архетипическому образу сада. *«Сад в древних традициях – это образ идеального мира, космического порядка и гармонии – потерянный и вновь обретенный рай. Для всех основных мировых культур сады представляют собой и зримое благословение Господне (Божественный Садовник), и способность самого человека достигнуть духовной гармонии, прощения и блаженства»*. Не случайно Яков рассказывает сказку о Божьем человеке Алексее, который поселился в саду, где усердно молился и стал святым. В Эдемском саду растут древо жизни и древо познания добра и зла. В Притчах метафорически древо жизни сопоставляется с мудростью, Плодом праведности и кротким языком .

Человек в бунинском творчестве «как бы «произрастает» в мир, выходит из потока природного бытия и осознает себя его основной частицей, несущей в себе чувственную «память» о своем происхождении». «У Бунина ... – человек растворяется в природе, его человек, прежде всего, природный человек». Об этой особенности бунинских героев писал и Г.Адамович: «Это слияние, соединение, продолжение одного в другом... Человек у него представляет собой острое, а природа представляет собой основание одной и той же сущности».

Свойством поэтики бунинского рассказа становится «текучесть жизни»; значение «уходящих мгновений» в бунинском повествовании проступает в том, что они «взывают к жизни, прославляют полноценное наполнение каждого ее мига». Голосом повествователя автор передает свою боль от расставания с Россией, вновь переживает счастливые мгновения прошлого. «Бунин весь – плоть от плоти и кость от кости отошедшей России. С нею крепко-накрепко, неотделимо срачен как весь его душевно-духовный состав, так и вся стилистика его творчества». Яков Демидыч – как бы собирательный образ родины, которая видится Бунину с чужбины.

Бунин – «великий знаток «механизма» человеческой памяти, в любую пору года и в любом нашем возрасте властно вызывающий в нашей душе канувшие в небытие часы и мгновения, сообщающий им новое и новое повторное бытие и тем самым позволяющий нам охватить нашу жизнь на земле в ее полноте и цельности, а не ощущать ее только быстрой, бесследной и безвозвратной пробежкой по годам и десятилетиям...», – писал о великом художнике слова А.Т. Твардовский.

После прочтения рассказа начинаешь понимать, почему Бунин озаглавил сборник «Божье древо». Через все рассказы он проводит мысль о том, что человек естественен во всех своих проявлениях и устраивает свою жизнь по человеческому и божественному праву. Бунин раскрывает русскую душу, показывает ее живой, способной к творчеству, духовному созиданию, восхищается неповторимым опытом народного видения жизни и смерти.

В рассказе «Божье древо» художественная интуиция писателя позволила увидеть, а талант – выразить в судьбе, душе, добром сердце Якова Демидыча лучшие стороны русского национального характера. Герой Бунина принимает жизнь как драгоценный дар, понимая и чувствуя её неповторимость. Читая Бунина, забываешь, что это – литература, потому что видишь, слышишь, осязаешь Жизнь.